

**Диалектические скачки и социальные революции в развитии
человеческого общества, или К вопросу о локомотивах истории¹**

В.А.Архангельский

Независимый исследователь, г. Самара, va-45@yandex.ru

**Dialectical leaps and social revolutions in the development of human society,
or To the question about the history's locomotives**

Vladimir A.Arkhangelsky

Резюме. Статья посвящена проблеме различения в развитии общества диалектических скачков как универсальных характеристик качественного превращения общества с одной стороны и социальных революций как одной из возможных форм реализации такого превращения с другой стороны.

Показаны причины и условия, при которых общество утрачивает возможность развития в спокойных эволюционных формах и вынуждено прибегать к революционным формам. Кроме того, в статье подчеркивается, что движущими силами («локомотивами») исторического развития на всем протяжении человеческой истории – от ее предыстории до подлинной истории – является разность и противоположность исторически изменчивых интересов, существующих в обществе и взаимодействие («борьба») их носителей.

Abstract. The article is dedicated to the problem of discrimination in society development of the two concepts. On the one hand dialectical leaps as universal features of society transformation are considered; on the other hand it deals with the social revolution as one of the possible forms of realization of such a transformation.

The article shows the causes and the conditions under which society loses the possibility of development in gradual and evolutionary forms and had to resort to revolutionary forms. In addition, the article stresses that the driving forces (“locomotives”) of the historical development throughout human history (from the primitive to communism and beyond) are differences and contrasts of the historically variable interests that exist in society and of the interaction (“struggle”) between their class or non-class carriers in society.

Ключевые слова: поляризация общества, субъекты истории, диалектические скачки, социальные революции, локомотивы истории.

Key words: society's polarization, the subjects of history, dialectical leap, social revolution, history's locomotives.

Вступление: чеканные фразы классиков. «Революции – локомотивы истории»,² – читаем мы у К.Маркса в «Классовой борьбе во Франции». Такие яркие и спрессованные выражения не так часто встречаются в работах прометеев XIX века, зато они крепко вгрызаются в сознание и рядовых читателей, и серьезных исследователей их научного наследия. Причем так, что превращаются в прочные, почти окаменевшие и чуть ли не навечно закрепленные реперы-маяки, обозначающие территорию марксизма. Хотя кажущаяся простота таких фраз на самом деле весьма обманчива и в умах неискушенных читателей способна породить опасные иллюзии³.

Проблеме революций как движущих сил, локомотивов истории посвящена огромная литература, как со стороны исследователей, тяготеющих к марксистской школе социологии, так и со стороны их оппонентов. К сожалению, похоже, что среди содержательных и интересных работ

¹ Статья является продолжением и развитием публикации автора «О шагах по обустройству надстройки, обеспечивающих успешность российского общества» (Демократия: вчера, сегодня, завтра? Труды V Всеросс. науч.-практической конференции Ассоциации марксистских объединений «Современная демократия: история, актуальные проблемы и потенциалы развития», 9–10 ноября 2013. СПб, 2016, с. 17–22) по вопросам характеристик подсистемы управления обществом (власти).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 7, с. 86.

³ К числу таких с виду простых фраз, безусловно, относится и следующее знаменитое утверждение Ф.Энгельса, высказанное в «Анти-Дюринге»: «Единственная стоимость, которую знает политическая экономия, есть стоимость товаров» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 318). Подробный анализ этой формулировки дан на страницах 125–137 работы автора «Концепция социализма как общества диалектических противоположностей» (РНБ АДП. Ф. 1476. Общественные движения, политические партии. Оп. 4. Материалы разных лиц. Архангельский В.А.).

преобладают вторые – оппонентов марксизма, рассматривающих эту проблему в ключе распада «некогда всесильного марксизма-ленинизма»⁴

В данной статье я постараюсь показать, что несмотря на действительно кризисное состояние марксистской школы обществознания, во-первых, в кризисе находится не только она, но и социология в целом, которая в огромном долгу перед своим предметом, а заодно и своим объектом и субъектом – человечеством, а во-вторых, у марксистской школы социологии – школы материалистической, исторической, диалектической – есть огромный, хотя пока еще очень слабо задействованный потенциал возрождения своей силы, своей логики, своей убедительности и – что самое важное – своего авторитета. И не только перед рабочим классом. Но и перед всеми землянами.

Территория марксизма. Науки марксизма как таковой, наверное, все-таки не существует. Очень трудно назвать наукой имеющую хождение сумму того, что выдано на-гора после смерти К.Маркса и Ф.Энгельса множеством школ и течений, как правило, непримиримых друг по отношению к другу, зато щеголяющих позиционированием себя как истинно марксистских. Территория марксизма не может быть обозначена вне территории социологии, у истоков которой стояли О.Конт и К.Маркс – науки о социальной, т.е. надбиологической ступени развития материи. Науки об исторически изменчивых, развивающихся, эволюционирующих «анатомии» и «физиологии» человеческого общества. Марксизм – это школа социологии (одна из них, всемирно известная) в широком контовском смысле слова.

В свете вышесказанного марксистской школой социологии есть смысл считать только аутентичный марксизм, имея при этом в виду, что далеко не всё, что вышло из-под перьев Маркса и Энгельса в разное время, следует включать в «итоговую редакцию» аутентичного марксизма, который родился из не-себя и преодолевая не-себя, эволюционировал в зрелую историко-диалектическую материалистическую марксистскую концепцию общественного развития. В указанном качестве аутентичный марксизм внес огромный и до сих пор в целом непревзойденный ни одной другой школой вклад в становление и развитие науки социологии.

Из этого не следует, что аутентичный марксизм по состоянию на конец XIX века (в 1895 г. умер Ф.Энгельс) являл собой свод абсолютных и непререкаемых истин. И не только и не столько потому, что всякое теоретическое отражение чего бы то ни было всегда неполно, неточно, смазано и может содержать другие дефекты отражения. А прежде всего потому, что помимо отражения объективной социальной реальности, т.е. уже состоявшейся к тому времени истории человеческого общества, существенно значимая часть аутентичного марксизма касалась в XIX в. вопросов будущего общества и еще не получивших исторической реализации путей его достижения (в их числе коммунизм, фазы предстоящего развития человечества, диктатура пролетариата и др.).

Проработка и освещение таких вопросов могли дать только предположительные, гипотетические результаты, поскольку они еще не могли быть в XIX в. отражением реальных событий, процессов, состояний будущего. Эти результаты были теоретическим экстраполятом минувшей, уже состоявшейся истории и в качестве смелых предположений консольно нависали над будущим, не имея еще в нем никакой опоры.

Предположения, гипотезы о том, что по объективным причинам еще не может быть исследовано в силу самых разных обстоятельств – прерогатива всякой науки, будь то астрономия, химия, геология и т.д., и социология целиком или ее марксистская школа здесь не исключение. Всякая наука во всякое время состоит из теории, опирающейся на фактологию реального опыта, и из фантазий, предположений, догадок, не имеющих под собой такой опорной почвы, которые после появления последней в переосмысленном, заново осмысленном виде переходят в «гранит» науки или превращаются в отработанный шлак.

Быть уверенными в том, что твои фантазии, предположения, гипотезы в будущем непременно найдут свое подтверждение, не видеть и не понимать того, что реальная действительность, как правило, оказывается много богаче и прозаичнее всяких фантазий – значит быть человеком не от мира сего, фаталистом и идеалистом до мозга костей. Как известно, основоположники марксистской школы обществознания ни фаталистами, ни идеалистами не были. Они были стойкими материалистами. И удивляться надо не сомнениям основоположников (их достаточно много в самом их литературном наследии), а неумной спеси тех «марксистов»,

⁴ Бугров К.Д. Этот поезд в огне: хорошие и плохие революции Мартина Малиа // Quaestio Rossica, 2015, № 4, с. 274.

которые уверяют всех, будто классикам марксизма о будущем развитии общества предстоящих веков и тысячелетий априори было известно уже всё в веке XIX.

Глубокий кризис социологии. Как уже было отмечено, наука социология находится сегодня в состоянии глубочайшего кризиса. Причин такого ее состояния, разумеется, много, и всех их невозможно даже перечислить. Но на двух из них, на мой взгляд, – важнейших, невозможно не остановиться.

Первая заключается в том, что развитие производительных сил приобрело за истекший век чудовищное ускорение, и которое, в свою очередь, вызвало адекватный ему императив (требование) роста скоростей приспособления общественных отношений разных стран и народов к меняющимся производительным силам. Императив-то есть, а вот опытный метод проб и отсева ошибок, который прекрасно работал в течение многих и многих тысячелетий от каменного века до века пара, в условиях новых скоростей перестает поспевать за реализацией императива. Кстати говоря, Октябрь 1917-го и его почти вековое продолжение тоже были дерзким историческим экспериментом российского и советского общества, но опытом проваленным теми, кто самоуверенно называл себя сам ни много ни мало «умом, честью и совестью эпохи».

Вторая причина состоит в том, что в нашей стране, фактически ставшей форпостом и главной экспериментальной площадкой обкатки и выверки социологических идей О.Конта – К.Маркса (безусловно, и множества других причастных к этому ученых-обществоведов), наука об обществе и его развитии приобрела статус официальной нормативной доктрины и тем самым утратила свой научный, поисково-пытливый, исследовательский и впередглядящий (прогностический) характер, превратилась в свод догматов, по отношению к которым было выставлено талмудистское требование сокровенного не искать, тайного не исследовать – иначе по рогам получишь по полной. Этот свод догматов, фарисейски названный «марксизмом-ленинизмом», многие его оппоненты приняли, поведясь на советский официоз, за подлинный марксизм, за подлинный ленинизм. Большую часть XX века обществоведы провели в бесплодной вненаучной идеологической борьбе между антимарксистами и охранителями догм «марксизма-ленинизма».

В чем же проявляется кризис марксистской школы?

Ахиллесова пята марксизма. Слабейшим местом аутентичного марксизма, его ахиллесовой пятой является тот факт, что даже при том, что Маркс не просто высказал научное предположение, гипотезу о смене полного классовых противоречий буржуазного общества бесклассовым коммунистическим обществом и, более того, был твердо убежден в истинности этого предположения, он даже не поставил вопроса о социальной диалектике, о социальной поляризации общества бесклассового коммунизма. Этот парадокс, который не был даже замечен советскими теоретиками и идеологами, по-прежнему прочно держит свои позиции у их последователей и поныне.⁵ Это обстоятельство породило лавину других проблем, сопряженных с диалектической неопределенностью бесклассового общества. Отчасти эти проблемы показаны ниже.

«Не верь глазам своим» (К.Прутков). Общеизвестно, что именно аутентичный марксизм впервые сплавил воедино диалектику Гегеля и материализм Фейербаха, выработал мировоззренческий диалектико-материалистический взгляд на развитие природы и распространил его и на исторический процесс развития общества. Который, в частности, состоит в том, что у общества нет конечной цели и нет конечной фазы своего развития. Под воздействием не просто меняющейся среды но и меняющейся под воздействием предметной деятельности самих людей, в состав которой (среды) входят и природно-экологические факторы, и сами производительные силы взятые в самом широком смысле этого понятия, человеческое общество, чтобы выжить, чтобы не погибнуть, обречено на вечную адаптацию своих производственных отношений, отношений между людьми к этим самым производительным силам.

Согласно этому историко-материалистическому, диалектическому мировоззрению марксистская наука социологии видит бесконечный процесс смены одних качественно определенных форм (они же – исторические фазы) развития общества другими, бесконечный процесс передачи эстафеты исторического развития от одних способов производства к другим, от

⁵ Подробнее об этой слабине марксизма см. в кн.: Возвращение политэкономии: Второй международный политэкономический конгресс (13-14 мая 2015 г., г. Москва). Сб. материалов / Под ред. А.В.Бузгалина и М.И.Воейкова. М., 2015, т. 2, с. 223–224.

одних общественно-экономических формаций к другим под неиссякаемым напором исторически изменчивой среды существования общества.⁶

Иными словами, марксисты вслед за Гегелем на всем развивающемся, в том числе и на всех исторических формах общества видят печать их неизбежного конца, его диалектического снятия, или не уничтожающего, а наследующего отрицания.

Теперь давайте посмотрим, а так ли уж принципиально различаются между собой гегелевское понятие прусской монархии как венца творения абсолютной идеи, антимарксистских теорий угасания класса рабочих, затухания классовой борьбы пролетариата и посему – вечности общества «модерна» (на худой конец – «постмодерна»), а также понимание коммунизма в советском общественном сознании, который был объявлен высшей, заключительно-завершающей фазой истории человечества? Они все без исключения подводят нас к признанию конца формационного развития человечества, вариантов лишь выбор финальной точки: в прусском феодализме, в современном капитализме-«модерне» или в ожидаемом коммунизме.

Ленинский императив состоятельности теории. А как, скажите, уважаемые читатели, по-вашему соотносится выросшие именно на ахиллесовой пяте аутентичного марксизма и неуклюже камуфлирующие эту болячку благовония советского официоза, отрицающие при социализме и коммунизме саму возможность диалектического раздвоения общества на имманентные ему социальные противоположности со сформулированным Лениным век назад в «Философских тетрадах» жестким императивом и вместе с тем – четким критерием научной состоятельности или несостоятельности обществоведческих построений на оселке познания и признания источником жизненности *раздвоение* всякого единого на свои взаимопроникающие и взаимодействующие противоположности?⁷

Скачок на стыке биологической и социальной форм развития материи. Антропо-социоген, или выделение человечества из животного мира – это самый значимый для нас, людей, диалектический скачок во всей истории развития общества. Его историческое значение несколько не может быть умалено ни своей размазанностью в огромном интервале времени от сотен тысяч до чуть ли не миллионов лет, ни протеканием его в нереволюционных, чисто эволюционных формах.

Две стадии в развитии человечества. Сам факт ускорения бега социального времени, обусловленного ускорением происходящих изменений в производительных силах, сегодня уже и не обсуждается. Чего не сказать об очень важном следствии, вытекающем из этого факта. Изначально имел место избыток времени для испытания разных вариантов, для подбора того варианта производственных отношений и подсистем управления обществом (власти), который был бы адекватен складывающимся производительным силам. И этот подбор успешно происходил простейшим методом проб и ошибок, когда производительные силы менялись в интервалах нескольких столетий так медленно, что их изменение было совершенно незаметно смежным поколениям людей и их полуживотных предков (дикость и цивилизации каменного – железного веков). Но начиная с века пара или чуть раньше избыток времени обернулся его острой нехваткой: стала невозможной адаптация производственных отношений и систем управления обществом к меняющимся условиям его жизни стохастическим методом Монте-Карло. Правилom стал регулярный перегрев общества, когда власть так и не успевала научиться управлять по-новому, а обществу становилось уже не в состоянии жить и быть управляемым по-старому. Перегрев, кончающийся взрывом – крахом прежней власти и очень болезненным для общества его переподчинением управлению новой власти.

Эпоха революций. Началась эпоха социально-экономических революций, почин которым положили буржуазные антифеодальные, антимонархические и антиклерикальные революции. Последние из числа наиболее значимых для нас произошли в Европе в 1848 г. и в самой России в Феврале 1917 г. После чего случаи перегрева общества тем не менее не прекратились, и эпоха социальных взрывов общества продолжилась серией антибуржуазных и антиимпериалистических революций и – о ужас! – ретроградных буржуазных революций в странах социализма.

⁶ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 275.

⁷ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316–317. Это место от слов «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его» до конца другой фразы «есть познание их как единства противоположностей» много-много тысяч раз цитировалось в советской научной и учебной литературе. Но никто из пишущих никогда не трактовал ее в том смысле, что никакая обществоведческая теория, в том числе и «научного коммунизма» не может быть признана состоятельной, если она не обнаруживает поляризации, раздвоения общества на имманентные ему противоположности. Интересно, почему?

Более чем сомнительный постулат. Именно социальные революции, насильственно сметающие обанкротившуюся старую власть уходящих в прошлое полюсов общества, приводящие к власти другие социальные силы, часто (но далеко не всегда!) способствующие социально-экономическим качественным превращениям общества в форме быстротечных революционных диалектических скачков перегретого общества, и породило иллюзию, будто именно они-то и являются подлинными локомотивами истории.

Полагаю, что этот вывод, наглядно и закономерно подтверждающийся во всяком обществе, система управления которым (власть) вместо обслуживания интересов общества в целом переходит в режим «короткого замыкания», обслуживания прежде всего своих собственных интересов, интересов правящей «элиты» и приступает к исполнению пируэтов, призванных во что бы то ни стало сохранить существующий властно-управленческий статус-кво общества, требует обратить на себя самое пристальное внимание.

В иной своей формулировке это утверждение предстает перед нами постулатом о неспособности общества иметь подсистемой управления власть, умеющую обучаться, приспосабливаться, адаптироваться к исполнению своих функций управления при работе в меняющейся всё быстрее и быстрее среде жизнедеятельности общества: производственно-экономической, социальной, эколого-климатической и т.д.

Формационные превращения без революций. В связи со сказанным выше возникает вопрос. Как же так случилось, что на протяжении сотен тысяч (если не миллионов) лет развитие человеческого общества из своей изначальной животной дикости с социальными диалектическими скачками при переходах к первобытному коммунизму, затем к рабовладению, потом к феодальному строю обходилось без революционных локомотивов? Как же так случилось, что последние появились лишь несколько веков тому назад, причем в самое последнее (по историческим меркам) время эти локомотивы в дополнение ко всему превращаются еще и в тягловое средство для движения в попятном направлении?

Смею предположить, что и в условиях спрессованного времени, где уже не работает стохастика, не работает случай, никаких революционных локомотивов не требуется, если общество умело найти приемы перманентной самоадаптации подсистемы управления собой к меняющейся среде своего существования (включая, разумеется, меняющиеся производительные силы) и выстроило работающие институты, в том числе и гражданского общества, способные принуждать власть осуществлять эту самоадаптацию в интересах всего общества. Насколько понимаю, еврокоммунисты, европейские социал-демократы, анархо-синдикалисты и многие другие отпочкования от марксистских социологов к этому выводу пришли уже давно, хотя у них и возникли серьезные трения с фундаментальными положениями аутентичного марксизма, с его живым смыслом, а не мертвой буквой. Возможно, по такому же недоразумению, которым характерны отношения между тем же аутентичным марксизмом и «марксизмом-ленинизмом».

Движители истории. Что касается подлинных движителей истории, то таковыми являются, во-первых, разность и противонаправленность существующих во всяком обществе социально-экономических интересов людей. И во-вторых, что вытекает из первого, взаимодействие, борьба между собой частей общества, поделенных плоскостью поляризации общества интересами противоположной направленности (классовых ли, бесклассовых⁸).

Нужна совместная работа. Думается, что эта проблема теории должна решаться с двух сторон. С одной стороны, прежде всего надо преодолеть главную слабость марксизма (его ахиллесову пяту) – поставить и решить, наконец, вопрос о социальных противоположностях бесклассовых закапиталистических обществ, тем более, что в XX веке страны реального социализма предоставили теоретикам богатейший фактический материал. С другой стороны, надо еще раз беспристрастно проанализировать все имеющиеся плоскости поляризации буржуазного общества (помимо общеизвестной классовой между капиталом и наемным трудом), в том числе и плоскостей – живых зародышей и провозвестников будущего бесклассового общества, подобно тому, как плоскость между буржуазией и пролетариатом существовала уже и при феодализме в качестве неосновной. После реально состоявшегося социализма осуществить это становится куда как возможным.

Политические революции и бунты. В заключение обратим внимание на еще один аспект открытых антагонизмов между властью и обществом. Слова «революция», «революционный» нынче в большой моде. Они окутывают эти антагонизмы романтикой чего-то очень светлого,

⁸ О неклассовой поляризации общества см. источник, указанный в сноске 5.

неизведанного, опьяняющего... Буржуазная революция, пролетарская революция, революция 1905 года, революция 1968 года, цветная революция. Заметим, что далеко не все из них являются межформационными революциями, которые многими теоретиками отождествляются с межформационными превращениями (скачками, переходами общества из одной формации в другую). И кроме того такие революции куда прозаичнее.

Политическая революция – это насильственный захват власти у банкротов. Отъём и захват власти происходят в поляризованном экономическими интересами обществе. Их осуществляют те социальные силы многополярного политического спектра надстройки, отсутствие (или недостаточное участие) которых в прежней власти стало сдерживать развитие возникшего в недрах этого общества нового и не представленного во власти уклада и тем самым стало препятствием развитию производительных сил общества, следовательно – и самого общества в целом. Политическая революция сопровождается кардинальным изменением всей надстройки общества.

Политические революции происходят только там и только тогда, где и когда надстройка общества (подсистема управления обществом) не содержит в себе механизма естественно-исторического (эволюционного) приведения расклада властных политических сил к меняющемуся реальному раскладу социально-экономических сил в базисе общества, вследствие чего возникает неадекватность надстройки уже изменившимся или требующим изменения прочим подсистемам жизнеобеспечения общества (базису).

Вместо политических революций иногда происходят политические катаклизмы (слепые и беспощадные разрушительные бунты-погромы), причины возникновения которых те же, что и у политических революций. Отличительной особенностью бунтарских катаклизмов является стихийное движение народных масс, определяющей целью которых является свержение существующей власти с неясной и четко не определенной программой реформы экономики, не опирающейся на знание фактических пропорций между существующими укладами производства, на знание действующих тенденций их изменения.

По окончании политического катаклизма (разгрома, уничтожения старой власти и надстройки) начинается период дележа захваченной власти между политическими силами, участвовавшими в свержении старой власти. Здесь очень часто главные участники свержения старой власти остаются с носом.

Четкой границы между политическими революциями и стихийными катаклизмами нет. Все зависит от степени понимания их вождями действительного (а не воображаемого) положения дел на социально-экономических фронтах, от способности принятой вождями идеологии адекватно отражать и объяснять массам фактическое социально-экономическое состояние страны с разбивкой по каждому существующему в ней укладу, и соответственно – по всем социальным полюсам общества, иными словами – от степени научности, иллюзорности или фантастичности теорий, взятых на вооружение творцами революции или катаклизма.

[Статья участника VIII Всероссийской научно-практической конференции «Национально-освободительные революции 1917–1918 гг.: проблемы и перспективы перехода от «предыстории» к истории человечества», состоявшейся 12–13 ноября 2016 г. в Доме Плеханова, г. Санкт-Петербург.]